

Во взгляде Угвэя читалась мудрость, накопленная возрастом и опытом. Он медленно открыл рот, словно желая передать часть знаний, которые хранил в себе.

— Я не знаю — сказал он.

—

—

— Что?

— Я не знаю, — повторил про себя Угвэй: — Теперь это предстоит выяснить тебе. Мне жаль оставлять все эти тяготы на тебя, но мое время пришло.

Угвэй передал свой посох Шифу и удалился. Он медленно подошел к краю обрыва.

Лепестки персикового дерева ожили и окружили Угвэя, покрывая все больше и больше пространства, когда они кружились вокруг него.

Шифу наконец понял, что происходит, и бросился к Угвэю:

— Мастер, Мастер!!! Вы не можете меня бросить!

Угвэй повернулся к Шифу и напоследок улыбнулся своим морщинистым лицом:

— Ты просто должен поверить, Шифу. Случайность может оказаться тем, что нужно миру.

Затем, под взглядом своего ученика, Угвэй превратился в розовые лепестки, и небеса окончательно забрали его старую душу.

Шифу еще долго стоял на своем месте, в его голове миллион раз проигрывались последние минуты общения с мастером.

Наконец он принял посох и ответственность, которую возложил на него мастер.

Он вытер слезы, которые пролил по своему мастеру.

Затем он решительно встал.

— Я просто должен поверить — сказал он себе.

[От лица Тай Лунга]

— Я не злодей, — сказал я с такой страстью, словно никогда не говорил ничего более правдивого.

— Злодеем меня предназначила быть Вселенная. Так хочет судьба. Но я не стану злодеем, даже если это будет просто назло судьбе, — сказал я, поедая вкусные пельмени и запивая их овощным супом.

Это было определенно лучше, чем еда из таверны. Там было только хорошее спиртное.

Может, быть веганом не так уж и плохо.

— Ты понимаешь, о чем я? — спросил я и вытер рот.

Нервный гусь-официант бросил быстрый взгляд на тела бессознательных стражников, а затем снова посмотрел на меня с дрожащей улыбкой. Он кивнул.

Мне показалось, что он не согласился с моим утверждением, а просто кивнул, потому что испугался.

— Это другое дело, — сказал я, указывая на упавших стражников, — Я никого не убивал.

— Я сильный. Я должен, по крайней мере, иметь право на такие вещи, не считаясь злодеем, верно? — сказал я ему, и он снова кивнул.

— Я был голоден, а они пытаются отказать мне в еде только из-за моей репутации. Это несправедливо, верно? — сказал я, и он кивнул.

— Кроме того, они знали, что не смогут победить меня. И все же они пытались бороться со

мной. Это моя вина? Когда кто-то наносит себе удар - нож не виноват. Это выбор людей, — сказал я, и он кивнул.

Я нахмурился:

— Почему ты все время киваешь, ты что, настолько боишься?

Он снова кивнул, но остановился на полпути. Потом покачал головой.

— Так или иначе, определитесь со злодеями, — попросил я, переходя к десерту. Город Миелин славился своими сладостями, так что десерты у них были потрясающие.

Официант сглотнул и ответил неловким тоном:

— Злодей — это тот, кто делает что-то плохое. Тот, кто является злом.

— Плохое? Что такое плохо? — сказал я: — Два голодных тигра боролись за еду. Один из них победил, и второй погиб. Значит, победитель сделал что-то плохое? Даже если другой пытался сделать то же самое, спасает ли его неудача от того, чтобы быть плохим?

— Например. Мы все знаем, что убивать плохо, но что, если мы убьем злого человека, который собирался разрушить жизни миллионов? Можно ли считать это плохим поступком? — спросил я, набивая лицо различными пирожными.

— Разве понятие "плохой" не является однозначным и зависит от намерений и ситуации? Почему Угвэй счел мое желание стать Воином Дракона плохим поступком?

— Только потому, что я хотел стать Воином Дракона ради славы и свитка, мое желание было сочтено злом и отвергнуто. Но если бы кто-то другой захотел стать Воином Дракона, чтобы защитить всех, его желание сочли бы добрым. Как это работает, разве оба мотива не обусловлены желанием в конечном итоге? Не сводится ли все к тому, что мое намерение было злым, а его — добрым? Значит, думать для себя — плохо, а думать для других — хорошо? А тот неоспоримый факт, что я бы лучше справился с защитой людей, вообще не имеет значения?

Я продолжал болтать и рассуждать о бессмысленных вещах, наслаждаясь едой. Возможно, двадцатилетнее пребывание в тишине сделало меня жаждущим общения.

А может, мне просто нравилось слышать свой голос.

У моего слушателя, официанта-гуся, были растерянные глаза, он с трудом понимал, что я говорю. Но он продолжал улыбаться и кивать головой в ответ на мои слова.

Я знал, что он ничего не понимает, да и ему все равно, но мне было приятно просто высказать свои мысли кому-то случайному.

Этот вопрос не давал мне покоя с тех пор, как я узнал, что являюсь злодеем в мире "Кунг-фу Панды".

Честно говоря, я никогда не считал себя злодеем. Меня с детства воспитывал Шифу, и он привил мне моральный кодекс и честь воина.

Это означало, что я с детства восхищался героями и презирал злодеев. Именно поэтому я с самого начала хотел стать героем, как Воин Дракона.

Но, видимо, я ошибся, когда захотел стать героем, не потому, что в душе я герой, а потому, что мне нравится сама идея быть героем. А как же иначе? Я и мой отец гордились этим.

Вот почему я был злодеем в кино.

Не потому, что я являлся злым мастером, который хотел захватить мир.

Не потому, что хотел угнетать и убивать невинных.

Не потому, что хотел украсть Ци у всех на свете.

Я хотел обрести судьбу, которую мне ложно обещали. Судьбу, ради которой я работал всю жизнь, но оказалось, что она не моя.

Я стал злодеем, просто потому что пошел против героя. Ни больше, ни меньше.

Мир сделал меня злодеем.

И я встретил свой конец от рук благословенного Панды, которого всю жизнь оберегала судьба и направляло пророчество.

Толстый Панда, который две недели тренировал кунг-фу, сделал из меня дурака.

Затем меня снова изгнали. На этот раз в место, откуда я никогда не смогу сбежать.

Это было наказание.

О, Тай Лунг.

Как он смел стремиться к судьбе, предназначенной для героя.

Как он посмел попросить становления Воином Дракона.

...

В этот раз этого не произойдет.

<http://tl.rulate.ru/book/105132/3710463>